

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 1(25)

Литературоведение

Горловка
2015

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редколлегия: д. филол. н. М.М. Гиршман, д. филол. н. В.И. Мацапура, д. филол. н. Л.В. Дербенева, д. филол. н. А.А. Кораблёв, д. филол. н. В.М. Калинин, д. филол. н. И.И. Дяговец, д. филол. н. В.Д. Денисов, к. филол. н. Л.М. Бражник, д. филол. н. С.А. Кочетова (ответственный редактор), к. филол. н. О.В. Жарикова, д. филол. н. В.В. Федоров, д. филол. н. В.И. Теркулов, д. филол. н. И.А. Герасименко.

*Печатается по решению ученого совета
Горловского института иностранных языков.
Протокол № 7 от 29.04.2015 г.*

Постановлением президиума ВАК Украины от 26.01.2011 г. № 1-05/1 сборник “Восточнославянская филология” внесен в перечень специализированных научных изданий, в которых могут публиковаться результаты диссертационных работ.

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации КВ № 16869-5632ПР.

В76 **Восточнославянская филология:** сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков. Редкол. : С.А. Кочетова и др. – Вып. 1(25). Литературоведение. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2015. – 188 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящен исследованию актуальных проблем филологии. Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Издательство ГИИЯ, 2015

*С.А. Кочетова
(Горловка)*

УДК 82.0

**СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЫЛИ И НЕБЫЛИ»
Б. ВАСИЛЬЕВА)**

Одной из ведущих тем прозы Б. Васильева стала тема духовной стойкости русского человека перед лицом трагедий и испытаний, выпавших на долю Отечества. Герои Б. Васильева понимают Отечество в широком смысле этого слова, включая в него земли и судьбы братских славянских народов – сербов, болгар, черногорцев...

Отметим, что принципиальной для писателя является идея отрицания отрицания, согласно которой «странная страна» Россия держится на незыблемых устоях и традициях, вошедших в кровь русского человека. «Она (Россия) – прямое порождение ледника, а потому согласно законам диалектики и гибель ее заключается в леднике. Тепло населяющих ее душ обязано заледенеть изнутри, уничтожив все. Ласку и приветливость, добродушие и сострадание, любовь и нежность» [3]. И когда русская душа оказывается перед угрозой «обледенения», в ней мобилизуются все силы, просыпаются патриотические чувства и русский человек вспоминает завет Александра Невского о том, что «не в силе Бог, а в правде!». Б. Васильев, пройдя Великую Отечественную как воин, в произведениях о войне, об истории Святой Руси и об истории своего рода всегда говорил о важности «помнить имя своё» и беречь свою славянскую духовность. Знаковой в контексте таких представлений писателя является использованная Б. Васильевым в романе «Отрицание отрицания» метафора борьбы кустарника и дерева: «Столбовые деревья и сегодня ведут свой нескончаемый бой с упорной кустарниковой ратью. И война эта бесконечна, ибо опирается на социальное Отрицание. Ведь и в человеческой жизни кусты изо всех сил мешают деревьям, а деревья стойко продолжают борьбу. И только тогда, когда кустарник дозрел до мысли об объединении, получил численное преимущество, армии кустов смели с лица России ее последние тысячелетние дубы и вековые сосны» [3]. История движется благодаря каждому новому этапу отрицания. Но и неизменным залогом стабильного пути России, судьбы Отечества, по Б. Васильеву, являются монолитные многовековые традиции русского мира – столбовые деревья, отстаивающие перед кустарниками своё право на существование.

Дилогия «Были и небыли», состоящая из двух романов «Господа волонтёры» и «Господа офицеры», органично вписывается в эстетические представления писателя и посвящена истории дворянской семьи Олехиных, откликнувшейся на зов о помощи балканских народов, исторически воспринимаемых русским человеком как братья-славяне «и по крови, и по вере» [1, с. 21].

На борьбу против турок поднялся весь русский народ, волонтёрским «потокм ринувшимся в далёкую и незнакомую Сербию. Ехали офицеры и студенты, рядовые казаки и отставные полковники, мещане и земские деятели, купеческие сынки и крестьянские дети. Ехали „мстить нехристям□ и с оружием в руках отстаивать чужую свободу; ехали за крестами и карьерой; ехали из любознательности и из равнодушия; ехали посмотреть мир или просто хоть на время ударить из родного отечества, чтобы полной грудью вдохнуть свежий ветер борьбы вдаль от голубых мундиров. Ехали все, кто хотел и кто мог» [1, с. 23-24]. Герои дилогии оказываются перед выбором – достойная жизнь или смерть. Они принимают бой, который для кого-то их них может оказаться последним. Они делают выбор сами. Их путь – гибель в бою! И во всех жизненных ситуациях в дилогии у Б. Васильева побеждает романтическая преданность великому делу служения Отечеству.

Заметим, что Б. Васильев изображает войну не только во внешних событиях и поступках героев, но и через их внутренние переживания. Таким образом, тема войны в дилогии представлена одновременно в двух ракурсах: «человек на войне» и «война в человеке».

Офицерский дух в русской армии передан Б. Васильевым через образы генералов Скобелева и Гурко, офицеров Тюрберта, Фока, Брянова и других исторических деятелей того времени. Ярчайшая историческая личность в романе – генерал Скобелев: «Он не просто жаждал славы, – он яростно добивался ее, рискуя жизнью и карьерой. Он искал её, эту звонкую военную славу, бросаясь за ней то в Данию, то в Сардинию, то в Туркестан. Он ловил свою удачу, азартно вверяя случаю самого себя <...> Начальство ставило его в пример... <...> Ему всегда нужна была главная роль и публика. И ещё – противник, и чем сильнее оказывался этот противник, тем талантливее становился Скобелев» [1, с. 501-503]. Генерал Скобелев поражает своей храбростью и отвагой, которую он всегда показывает в борьбе с врагами, но одновременно он является суровым воином, что, в свою очередь, становится залогом победы его войск: «Скобелев был широк, бесшабашен, резок в оценках и безрассудно отважен

в решениях. Обладая прекрасным образованием и острым умом, он так и не научился светскому хладнокровию: в обществе его не любили за детское неумение и нежелание прикрываться спокойным юмором или язвительной иронией. Этот большой, сильный, шумный и яркий человек воспринимал театр военных действий, прежде всего именно как театр» [1, с. 502-503]. И в каждой битве Скобелев был на вершине славы, благодаря своему мастерству и неисчерпаемому таланту. Удадь и мужество этого исторического персонажа воспроизводится Б. Васильевым в диалогии. Перед лицом солдат, в одном из боёв за Плевну на грани отчаяния от необходимости измождённым российским войскам отступить, Скобелев принимает единственно верное решение – возглавить атаку, «послать на помощь изнемогавшим полкам последний резерв – самого себя» [2, с. 300]: «Появился вдруг, с саблей в руках – мокрый, с растрёпанной бородой, в неизменном белом сюртуке, заляпанном грязью. <...> И смяв конём аскеров, прорвался, дал шпоры, поднял лошадь и одним прыжком послал её через глинистый откос редута. <...> Он не оглядывался: знал, что солдаты пройдут за ним сквозь любые заслоны» [2, с. 300-301]. Аристократ, русский генерал был спаян с народом, был его частью.

Интересной, на наш взгляд, является характеристика Скобелева, представленная в романе одним из персонажей – капитаном Гордеевым. Роль Скобелева в истории российского государства не ограничивается победоносными завоеваниями или отважными поступками. Она гораздо шире. Образ Скобелева объясняет нелогичную для понимания многих линию поведения русских. Гордеев в разговоре с Алексиним замечает: «Если бы мы воевали за очередной кусок, я бы не вернулся в армию. Но мы воюем за свободу, <...>. Пока за чужую, и то слава Богу. Честь Родины – нести свободу народам, а не завоёвывать их... <...> У нас – восторженная история. Не по сути, а по способу изложения. И во всех нас таится этот подспудный восторг, а кто не скрывает его, тот – вождь, трибун, идол, за которым мы идём очертя голову, ибо в лице его всю восторженную историю воочию видим. Помирать – так с музыкой: вот наш девиз. <...> Я о восторге говорю. Сегодня его Скобелевым зовут, завтра другой придёт – суть не в этом... Суть в том, что коли есть идея в войне, то восторг наш природный сразу на фундамент опирается. И тогда нам никто не страшен, никто и ничто» [2, с. 21]. Знаковой для характеристики образа Скобелева как истинного патриота, героя, неотделимого от истории своего народа, является реплика князя Шаховского. В эпизоде одного из боёв под Плевной оскорблённый действиями русских генералов Скобелев, чувствуя, «как к

сердцу вновь подступает боль, а в горле клокочет с огромным трудом сдерживаемое бешенство» [2, с. 186], гневно обвиняет князя в напрасно загубленных жизнях русских солдат. Князь Шаховской, выставив вон Скобелева, вдруг затрясся и, смахивая слёзы, произнёс: «Каков стервец! <...> Жаль, не мой сын, очень жаль. Выдрал бы я его как сидорову козу, а потом расцеловал бы в обе щёки...» [2, с. 188]. Преданность своему делу, порой, перерастающая в безрассудство, одинаково близка и понятна как князю, так и рядовому солдату.

Ещё один образ, олицетворяющий судьбу Отечества, □ храбрый офицер, настоящий знаток военного дела капитан Бряннов, который «всегда был человеком ответственным и точным. Именно эти качества и спасали его до сей поры не только от отставки, но и от каземата <...> начальство не могло не ценить его служебного рвения и профессиональных достоинств. Его послужной список мог быть образцом для многих армейских офицеров» [1, с. 630]. При описании русских офицеров, добровольно ушедших воевать за сербов и болгар, автор permanently упоминает чувства и переживания воинов – они преисполнены «твёрдого ощущения правоты, закономерности и необходимости того дела, которому <...> служили» [1, с. 630]. Отметим, Б. Васильев мастерски владеет искусством изображения батальных сцен. Именно в них характеры героев романа проявляются ярче, чем в многочисленных диалогах и монологах, репликах персонажей в мирной обстановке: «Бряннову некогда было думать о понтонах своей роты: он думал о более насущном: о своей конкретной задаче в этом бою» [1, с. 660]. Изображение войны во внешних событиях (грохоте разрывов, трескотне пулеметов, атаках и поражениях) сопровождается описанием внутренних переживаний героев через ретроспекцию воспоминаний, постоянно возникающих в их сознании.

Примечательным, на наш взгляд, является тезис, высказанный Брянновым, в котором излагается одно из основных положений кодекса чести русского воина. Без нарочитых пафосных лозунгов Бряннов объясняет Олексину, что же ведёт в бой русских людей за свободу братьев по крови: «□ За что воюет остальная дюжина? За крест? За сербов? За свободу? За наши византийские сновидения? – За веру, <...> ...Однажды выучился читать по-болгарски. И прочитал... новую молитву: „Верую во единую общую силу рода человеческого на земном шаре – творить добро. – Ну а раз есть новая молитва, значит, есть и новая вера, Олексин. Вера возникает раньше молитв, если это действительно вера» [1, с. 338].

При изображении трагического Б. Васильев выбирает

ситуации экстремальные, порой, жестокие, описывает страдания героев дилогии сквозь боль, слёзы и горловые спазмы. Гибнут и командир Бряннов, и Тюрберт. Каждый из них умирает трагично, и, в то же время, героически, отдав свою жизнь во имя мира и добра. Бряннов умирает с большой отвагой и храбростью, он до последнего борется с врагами: «И, никого не дожидаясь, бросился в свалку. Ударил саблей одного, с выпадом ткнул второго и вдруг почувствовал, как его отрывают от земли. Не ощущая боли, он рубил саблей кого мог достать, рубил, уже поднятый в воздух, уже распятый девятью турецкими штыкам, рубил до тех пор, пока штыки эти не отбросили его тело к краю обрыва» [1, с. 661-662]. И в это же время, думая, что Бряннов жив, Тюрберт всеми силами пытается спасти своего друга ценой собственной жизни: «Тюрберт уже ничего не слышал и не видел. Он стоял в воде на коленях, тщательно наводя оружие. Ориентиров не было никаких, он наводил по наитию, но боевое вдохновение его было сейчас великим, прозорливым и прекрасным. Все накопленное им мастерство, весь опыт, вся любовь и вся ненависть сошлись сейчас в его прицеле» [1, с. 667]. Лейтмотивом повествования является пафос высоких понятий патриотизма и интернационализма: «Это были мгновения не только величайшего боевого подъёма, – это было единение. В бою перемешались русские и болгары, солдаты и офицеры, помогая друг другу, выручая из беды, спасая от гибели. Неудержимый боевой восторг, восторг общей победы охватил всех» [2, с. 362].

Война в представлении Б. Васильева – это не просто череда побед и поражений, это душевные переживания, это поиск смысла жизни, это попытка понять осознания общечеловеческих ценностей. Нельзя однозначно оценить войну с врагами как борьбу Света и Тьмы. В каждом повороте сюжета писатель предлагает рассматривать взаимоотношения воюющих сторон, солдат через призму человеколюбия и гуманизма. Никто из простых людей, которые воевали по разные стороны линии фронта, не хотел воевать и умирать. Однако же ни у кого не возникало искушение не выполнить свой долг. И в этом все представленные на страницах дилогии воины – русские, сербы, болгары, турки – единоклюбы. Каждый до конца выполняет долг перед Отечеством, умирая с именем своей страны на губах: «И вспоминался свой собственный выстрел, оборвавший его [Карагеоргиева] мучения. „Болгария... – выдохнул вместе с жизнью Карагеоргиев. Что же давало ему силы и в эти последние страшные мгновения думать только о родине?» [2, с. 309]. Для автора принципиальным является утверждение о том, что разделение между добром и злом, правдой и несправедливостью,

нравственностью и безнравственностью пролегал отнюдь не вдоль межнациональных границ, а в сущности человека, волею судеб оказавшегося на поле брани.

Б. Васильев, чередуя, изображает войну и мир, а на их фоне – судьбы каждого из представителей крупной дворянской семьи Олехсиных. В диалогии «Были и небыли» автор постоянно выстраивает параллель между событиями Отечественной войны 1812 года и разворачивающейся в произведении Русско-турецкой войны 1877-1878 годов: «Впервые после разгрома Наполеона, – пишет автор, – Россия вступила в войну за свободу и независимость других народов» [1, с. 530]. От этого тезиса читатель легко выстраивает прямую линию к теме Великой Отечественной войны.

Гордость за свою Родину, романтический пафос борьбы за свободу, накал патриотизма – чувства, ставшие константными для молодого офицера Гавриила Олехсина: «Гавриил очень гордился службой в привилегированном московском полку. Ему нравилась форма, он любил строй, разводы и ученья и искренне плакал вот восторга и умиления, впервые присутствуя на высочайшем смотре. Он мечтал о карьере и славе, о чинах и наградах, о благосклонности государя и любви товарищей по полку. Он свято верил, что добьется того положения, которого не добился его отец, скандально уволенный в отставку по строптивости характера, и уже преуспел по службе, исполнив почетное поручение и получив чин поручика. Он был хорошим товарищем и примерным офицером, офицером на виду, с множеством полезных знакомств, несмотря на просчеты домашнего воспитания, отсутствие связей и тощий кошелек» [1, с. 21]. Гавриил Олехсин был настоящим патриотом своей страны, он любил ее. Он мог вовсе и не принимать участия в военных действиях, но ему не позволила бы этого совесть, он был благодарен своей Родине за все, поэтому он готов был драться до последнего вздоха. Гавриил жил, исходя из убеждения, что его «род неотделим от Родины» [2, с. 305]. Кроме того, принципиальной для формирования личности Гавриила явилась чтимая им заповедь отца: «Каждый человек волен поступать по долгу совести – этому учил отец, и все Олехсины воспринимали свободомыслие как нечто само собой разумеющееся» [2, с. 367], которая, несомненно, стала определяющей и в итоговом жизненном выборе Олехсина.

Гавриил Олехсин – офицер, который верит солдату, видя в нем не столько подчиненного, сколько соратника. Перед нами цельная личность, морально устойчивая и, даже, бескомпромиссная, до конца преданная благородному делу защиты униженных и оскорбленных. Герой не только декларирует свои убеждения, но и

стремится превратить их в реальные действия, порой, не имея для этого никакой возможности, будь то словесная полемика или поле боевых действий: «Гавриил вскочил в седло, поскакал к своим позициям. Приблизившись, сдержал коня, шагом выехал вперёд, в центр залегшей роты. Турки сильно обстреливали, пули жужжали вокруг. <...> Он рисковал обдуманно: ему необходимо было внушить своим дружинникам, что не всякая пуля убивает, что воля сильнее огня» [2, с. 327]. Он не пацифист и не головорез, война для него – возможность выполнить свой гражданский долг. Гавриил Олексин – офицер, который верит солдату, видя в нем не столько подчиненного, сколько соратника. Именно такие офицеры, по убеждению героев романа, вели русского солдата к победе над Наполеоном.

Как следствие, и войну Гавриил Олексин воспринимал со всей серьезностью, считая, что его участие в борьбе за победу над врагом братьев-славян – это просто жизненная необходимость. Он до последней секунды боя истово верит в победу и сражается: «Турок закричал тонким, пронзительным голосом, а поручик все бил и бил ножом, ощущая, как брызжет чужая кровь, и ничего не чувствуя, кроме яростного торжества. <...> Он сопротивлялся и бил сам, пока не вырвали нож. Повязка соскочила, кровь лилась из открывшейся раны, но он не ощущали ни её, ни боли, даже когда вдруг перестали убивать. Кровь заливала глаза, он ничего не видел; его тут же подхватили под руки и куда-то быстро поволокли» [1, с. 418]. Образ Гавриила Олексина олицетворяет собой жестокую правду театра военных действий, когда мужество отдельной личности становится камертоном общего настроения сообщества русских солдат и офицеров. Отдельная личность символизирует выбор всего народа – спасти своих братьев-славян, пусть даже ценой собственной жизни: «Когда русский искренне считает болгарина братом, а болгарин, не раздумывая, жертвует за русского жизнью, когда простые солдаты грудью заслоняют офицеров, а офицер отдаёт нижнему чину последний глоток воды, – война выходит из <...> берегов, <...> На Шипке произошло чудо...: <...> расчётливая бойня превратилась в войну народную по воле самих же народов. <...> Когда они воюют не во исполнение царской воли, а по зову собственных сердец» [2, с. 367-368].

Гавриил □ настоящий и преданный сын, брат и друг. Образ Гавриила Олексина олицетворяет идею настоящей дружбы, преданного друга, который ни за что на свете не бросит своего товарища в беде. Гавриил остался верен кодексу семейной чести, впитав с младенчества закон жизни, отчеканенный его сестрой Варварой: «Я □ Олексина, мы друзей в беде не бросаем, а тем паче – любимых...» [2, с. 419]. И когда Гавриил понимает, что лучших его товарищей Меченого и Отвиновского ждет смерть, он чувствует

себя беспомощным: «Он понимал, что ему не разделить их судьбы, что присутствие русского представителя означает, что он, офицер русской службы Гавриил Олексин, будет передан в распоряжение русских властей, тогда как Меченый и Отвиновский останутся в руках турок. До того, как расстаться с жизнью, ему предстояло расстаться с друзьями, и печаль этого неминуемого расставания уже овладела им» [2, с. 518]. К тому же, Гавриил был полностью обескуражен новостью о том, что он долгое время находился в заблуждении о своём статусе. Князь Цертелев, сообщив о реальном положении Олексина – отставника, возможно, претендующего в дальнейшем на орден за свои несанкционированные российским правительством действия – заставил почувствовать Гавриила себя обманщиком и предателем по отношению к своим соратникам: «... Такого ужаса, какой он ощутил вдруг, он не испытывал никогда ни в боях, ни в кошмарах. До сей поры он был твёрдо убеждён, что разделит участь своих друзей; пусть не здесь, пусть не сейчас, но всё равно разделит: будет расстрелян, повешен или, на худой конец, заточён в каземат. Эта общность судьбы примиряла его со смертью, давала силы гордо смотреть в глаза друзьям и недругам, оставляла его безупречно честным перед всеми и прежде всего – перед самим собой» [2, с. 521]. Гавриил не выдержал испытания тем, что «трагедия превращалась в фарс» [2, с. 522], что его друзья расплачиваются своей жизнью за свободу других, а он может остаться в стороне. Это бремя на душе не давало бы ему спокойно жить никогда: «В морозном воздухе никто не расслышал выстрела, тем более что Гавриил прикрыл револьвер поллой полушубка. Когда князь подбежал, Олексин был уже мертв» [2, с. 523].

XIX век, оказавшись судьбоносным для истории России, вовлёк в водоворот потрясений, трагедий и триумфа многие дворянские семьи, ставшие гордостью своего Отечества. Цвет дворянских семей, казаки, мещане, крестьяне, не задумываясь, отдали свою жизнь за свободу своих братьев-славян. Русские, среди которых оказывались представители разных народов, населяющих Российскую империю, стремились сделать все для лучшего будущего России и братских народов. Не всегда это стремление увенчивалось успехом. «И те <...>, которые не смогли приспособиться к новому порядку вещей, уходили вместе с ним [XIX веком], не зная, что именно они оставляют в наследство грядущему то, чем были богаты: свою незапятнанную честь» [2, с. 527].

Б. Васильев предлагает осмысливать войну через характер, через общий поток жизни героев, вовлечённый в общее русло российской истории. Пропуская через себя боль потерь, горечь поражений и сладкий вкус победы, герои Б. Васильева меняют

своё мировоззрение, своё понимание ценностей жизни. В уста одного из персонажей романа князя Насекина автором диалогии вложен постулат, определяющий алгоритм исторической миссии потомков русских героев, ценой своих жизней отстоявших свободу братских народов. Князь Насекин замечает: «Когда нет памяти, нет и боли» [2, с. 425]. Б. Васильев в диалогии «Были и небыли» обращается к читателям с призывом помнить и чтить подвиг русских воинов, болеть душой за каждое мгновение их героического прошлого, не забывать о том, что их судьбы – это судьба Отечества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Б.Л. Были и небыли. Кн. 1: Господа волонтеры / Б.Л. Васильев. – М.: Вагриус, 2005. – 688 с.
2. Васильев Б.Л. Были и небыли. Кн. 2: Господа офицеры / Б.Л. Васильев. – М.: Вагриус, 2005. – 528 с.
3. Васильев Б. Отрицание отрицания / Б. Васильев. – Режим доступа: <http://www.litmir.info/br/?b=29088>; http://royallib.com/book/vasilev_boris/otritsanie_otritsaniya.html

АННОТАЦИЯ

Кочетова С.А. Судьба человека в судьбе Отечества (на материале диалогии «Были и небыли» Б. Васильева)

Тема духовной стойкости и персонального подвига русского человека в контексте героической истории Отечества стала одной из ведущих тем творческого наследия Б. Васильева. Диалогия «Были и небыли» посвящена истории дворянской семьи Олексиных, откликнувшейся на зов о помощи балканских народов, исторически воспринимаемых русским человеком как братья по славянской крови. Герои оказываются перед выбором – достойная жизнь или смерть. Побеждает романтическая преданность великому делу служения Отечеству. Б. Васильев изображает войну не только во внешних событиях и поступках героев, но и через их внутренние переживания. Таким образом, тема войны в диалогии представлена одновременно в двух ракурсах: «человек на войне» и «война в человеке».

Ключевые слова: жанр исторического романа, диалогия, проблематика, тема истории Отечества.

SUMMARY

Kochetova S.A. The destiny of a man in the fate of the Fatherland (based on the dilogy «Byli I Nebyli» by Boris Vasiliev)

The theme of spiritual fortitude and personal heroism of the Russian people in the context of the heroic history of the country has

become one of the leading themes of Boris Vasiliev's artistic heritage. The dilogy «Byli I Nebyli» is devoted to the history of the Olexins nobiliary family that responded to the call for help of the Balkan peoples, historically perceived by Russians as their Slavic blood brothers. The characters are left with a choice □ a worthy life or death.

The romantic devotion to the great cause of serving the Fatherland wins. Boris Vasiliev depicts war not only in external events and the characters' actions, but also through their inner experiences. Thus, the theme of war in the novels is presented from two perspectives simultaneously: «the man in the war» and «the war in the man».

Key words: the genre of the historical novel, dilogy, problems, the theme of the heroic history of the country.

*В.И. Мацанура
(Полтава)*

УДК 821.133.1: 82.091: 821.161. 1

П. МЕРИМЕ КАК РЕЦИПИЕНТ И ИНТЕРПРЕТАТОР ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ

Интерес Мериме к русской культуре имел разные формы выражения. Он проявился на уровне контактных и типологических взаимосвязей. Известно, что писатель изучил русский язык и читал в оригинале произведения многих русских писателей, в частности, А. С. Пушкина и И. С. Тургенева. Он был лично знаком с Е. А. Баратынским, А. И. Тургеневым, Н. И. Тургеневым, С. А. Соболевским. История дружбы Мериме с И. С. Тургеневым, их творческие контакты – обширная тема, которая заслуживает отдельного исследования. Об интересе Мериме к русской литературе красноречиво свидетельствуют его переводы на французский язык произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и И. С. Тургенева, а также его переписка и статьи о русских классиках, в которых французский писатель выступил в нескольких амплуа – как реципиент, критик и литературовед-исследователь. Следует заметить, что темы «Пушкин в рецепции Мериме», «Тургенев и Мериме» освещены более детально и скрупулёзно, нежели затронутая нами проблема.

Во Франции интерес к творчеству Гоголя усилился после появления в 1845 году сборника его повестей во французских переводах Луи Виардо, куда вошли повести «Тарас Бульба», «Вий», «Записки сумасшедшего», «Старосветские помещики», «Коляска».

Очерк П. Мериме «Николай Гоголь (“Русские повести”. “Мертвые души”. “Ревизор”»)» был опубликован при жизни

СОДЕРЖАНИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>В.Д. Денисов</i> ОБ ОСМЫСЛЕНИИ Н. В. ГОГОЛЕМ ИСТОРИИ МАЛОЙ РОССИИ	3
<i>Л.В. Дербенёва</i> ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ИДЕЙНО- ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ РОМАНЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА	14
<i>А.А. Кораблев</i> КУДА ЛЕТИТ ПТИЦА-ТРОЙКА? (ЗАМЕТКИ О СИМВОЛИКЕ ПУТИ В «МЕРТВЫХ ДУШАХ» Н.В. ГОГОЛЯ)	23
<i>С.А. Кочетова</i> СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЫЛИ И НЕБЫЛИ» Б. ВАСИЛЬЕВА)	30
<i>В.И. Мацапура</i> П. МЕРИМЕ КАК РЕЦИПИЕНТ И ИНТЕРПРЕТАТОР ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ	39
<i>В.В. Федоров</i> ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	49
<i>Н.А. Бслоконь</i> СИНІВСЬКА ЛЮБОВ ЯК «КВІТКА РЕСЕНТИМЕНТУ» (І. ЧЕНДЕЙ «ТЕСТАМЕНТ», В. РАСПУТІН «ПОСЛЕДНИЙ СРОК»)	57
<i>А.В. Денисова</i> ПУБЛИЦИСТИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФАКТА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯЯ КАРАМАЗОВЫ»	68
<i>О.В. Жарикова</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА ПУТЕШЕСТВИЯ В СБОРНИКЕ И. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»	77
<i>М.Н. Ивахненко</i> ОСОБЕННОСТИ МЕЖЖАНРОВОГО СИНТЕЗА В РОМАНАХ В. АКСЁНОВА НАЧАЛА XXI ВЕКА («ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ И ВОЛЬТЕРЬЯНКИ», «МОСКВА КВА-КВА»)	81
<i>Н.В. Кораблева</i> АЛЛЮЗИИ И ЭФФЕКТЫ В ПОВЕСТИ А. БИТОВА «ФОТОГРАФИЯ ПУШКИНА»	89

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск первый (двадцать пятый)
Литературоведение

Ответственный редактор С.А. Кочетова
Технический редактор А.М. Калашников
Компьютерная верстка и макетирование
Е.С. Шалыгиной
Корректоры: Н.А. Жихарева,
О.Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к печати 30.04.2015.
Формат 60x84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 11,17. Уч.-изд. л. – 11,75.
Усл.-изд. л. – 10,92.
Тираж 500 экз. Зак. № 3.

Издательство Горловского института иностранных языков
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003 г.
84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25